

ТОПОС «ПОТАЕННОЙ ЛИЧНОСТИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

Изложение темы означенной в заглавии, предварим фрагментом из романа Ю. Крымова «Танкер "Дербент"» (1938 г.). В эпизоде моряки Басов и Котельников беседуют о капитане Кутасове и его помощнике Касацком, которые допустили халатность на производстве и должны понести за это наказание.

«– Не знаю, – сказал Басов. – Я не юрист. Жалко все-таки старика, – добавил он брезгливо.

– Кого?

– Старика, говорю, жалко, капитана. В сущности он очень несчастен. Котельников перестал улыбаться.

– Жалко! Ай-ай! Но что теперь делать? Может быть, покрывать их будем, а? Как твое мнение?

– Ты меня не понял, – смутился Басов. – Покрывать? Я только сказал про старика, что он жалок и...

– Жалок, говоришь? /.../ Слушай-ка, если ты вздумаешь его покрывать...

– Да у меня и в мыслях не было, – поспешно оправдывался Басов, – Просто я сморозил глупость.

– Уж какую глупость! Хорошо, что мы одни. /.../» [1, с. 180].

«Танкер «Дербент»» в современных литературоведческих исследованиях оценивается как безличностный производственный роман с технологическим конфликтом и лакировочным подходом к изображению действительности. Отмечается, что в литературе второй половины 30-х годов «преобладали схематизм и чрезвычайно упрощенный подход к реальности. Наглядный пример тому – расхваленный критикой 30-х годов роман «Танкер «Дербент»» (1938) /.../ Юрия Крымова.

/.../ Крымов сработал и роман, и своего героя по готовым идеологическим рецептам. /.../ Из литературы уходила художественная сложность, уступая место банальной идеологической схеме» [2, с. 95].

Подобная оценка, к сожалению, справедлива. Тем более неожиданной представляется психологическая глубина приведенного выше эпизода. Перед нами – содержательно завершенный драматический диалог, в котором механик Басов (он, к тому же, и парторг танкера) пробует проявить себя обыкновенным живым человеком, но сам же пугается этого своего душевного движения и вновь прячется под маской «человека идеологического», «кожаной куртки». Сказав «жалко», он быстро меняет это слово на «жалок», что существенно отличается от «жалко». Котельников, хоть и выступает в разговоре оппонентом Басова, тем не менее, тоже милосерден, поскольку не предполагает предавать гласности сомнения собеседника. Таким образом, Ю. Крымов показал, что его «железные большевики» – это переодетые «маленькие люди», традиционные для русской литературы.

Эпизод «взрывает» всю «технологическую» фабулу романа. И что самое важное – он абсолютно закономерен для произведения Ю. Крымова. Обратим внимание, что в приведенной выше литературоведческой оценке «Танкер «Дербент»» рассмотрен как результат авторских интенций, замыслов: писатель «сработал» роман. Но эпизод-то в тексте присутствует! Отсюда возникает мысль о том, что Ю. Крымов не мог избежать правды, как бы не стремился он к схемам. Не в силах отдельного автора было выйти за рамки тех нравственно-философских поисков, которыми была занята вся русская литература 30-х годов.

Суть этих поисков состояла в стремлении к наиболее человечному, наиболее спасительному топосу. Им оказался топос «потаенной личности», который в приведенном случае выступает в ипостаси «потаенного сострадания». Герои «производственных» романов 30-х годов при всей своей фанатичной преданности идеям коллективизма, на деле оказываются людьми легко ранимыми, индивидуально мечтательными, не свободными от сомнений и слабостей. То есть литература 30-х годов продолжает быть традиционно психологичной и гуманистически проникновенной. Другое дело, что эти черты в сюжетах уходят на дальний план, прячутся в художественную деталь, в мимолетный эпизод, в ремарку, словом, оказываются явлением подтекста.

«Кожаная куртка» Увадьев (Л. Леонов «Соть», 1930 г.) мечтает о девочке Кате, которая родится через сто лет и воспримет результаты его трудов. Подобные же чувства испытывают большевики Чиклин и Жачев к подростку Насте (А. Платонов. «Котлован», 1930 г.). «Разгадка» характера Нагульнова из «Поднятой целины» М. Шолохова – в бережно и тайно хранимом им носовом платочке, который пламенному Макару подарила Лушка в пору их любви. В технологическом романе М. Шагинян «Гидроцентральный» (1931 г.) среди прочих персонажей представлен молодой человек Арно Арзвьян, философ по натуре. По цвету волос его в сюжете чаще всего именуют рыжим. В одном из моментов действия происходит диалог между Арзвьяном и художником-лефовецем Аршаком Гзунни:

«– Ну, а что вы считаете этой вашей главной потребностью, позвольте спросить? Хлеб, спанье, детей рожать?»

– Вы, кажется, думаете, что все это очень плохо? – с удивлением спросил рыжий. – И еще, может быть, думаете, – оно устарело, стало банальным?»

/.../ Хлеб – значит труд, спанье – это отдых, дети это любовь... /.../. Люди, ей-богу, лучше, чем о них думают, люди всегда хотят настоящего» [3, с. 16].

Таким образом, от традиции психологизма литература 30-х годов уйти не могла. Традиция эта, как известно, восходит к архетипу матери, к чувству милосердной ответственности индивида за происходящее вокруг него. Басов в этом смысле оказывается духовно близким своей литературной современнице Маргарите (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита», 1938 г.), которая, ведомая чувством жалости, спасает не себя, а несчастную Фриду. Маргарита как бы скрывает свою человечность: ей кажется, что она стала «ведьмой» и поэтому милосердие ей чуждо. Но остается подлинно милосердной. С Басовым и Котельниковым происходит подобное: они не считают себя обязанными проявлять душевность по отношению к тем, кто вреден строительству социализма; не считают, а на деле остаются человечными.

Эпизод из «Танкера "Дербента"» и сюжетная ситуация булгаковской Маргариты очевидно восходят к традициям Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Долохов из «Войны и мира» под бретерством скрывает свою нежную душу, любовь к матушке и калеке-сестре. Свидригайлов из «Преступления и наказания» – подлинный негодяй. Но в глубине и его души живет совесть. Басову и Котельникову, оказывается, приходится вести двойную жизнь. Как следует из романа, большевики – герои соцсоревнования – мыслят утилитарно. Об учебе Басова в техникуме сказано: «Когда читались лекции на отвлеченные темы, ему становилось не по себе, словно всем существом ощущал он без пользы уходящие минуты. Зато на лекциях по теплотехнике или по деталям машин он ловил каждое слово» [4, с. 37].

Читая подобное, реципиент не может не заметить, что Басов в данном случае подобен гению из романа В. Набокова «Защита Лужина» (1930 г.), который не видел в жизни иных ценностей, кроме логики шахматной игры. О Лужине сказано в романе: «Зато стихи /.../ приводили его в состояние тяжелого недоумения и печали. Соответственно с этим профессор запретил давать Лужину читать Достоевского, который, по словам профессора, производит гнетущее действие на психику современного человека» [5, с. 95].

Как будто предполагая, что реципиенты обратят внимание на особую роль разговора Басова с Котельниковым в романе, Ю. Крымов вкладывает в уста одного из отрицательных персонажей – труса и злопыхателя Касацкого – монолог, во многом раскрывающий драму многих действующих лиц произведения (в том числе и Басова): «Чтобы не выдать себя, вам приходится лезть в огонь. Но ведь вы и притворяетесь только для того, что сохранить свою жизнь, которая, черт знает, почему, вам все-таки дороже всего. И вот вы ломаете комедию, вы багровеете от натуги и кричите, как клоун, поднимающий бутафорские гири. Рано или поздно обнаружится, что ваши гири из бумаги, и вас с позором вышвырнут со сцены, а заодно лишат вас и хлеба с маслом, из-за которого все и пошло. Игра не стоит свеч, как говорится. Притом вы заранее знаете, что рано или поздно это случится».

Современнику начала XXI века приведенный монолог кажется пророческим. Наверно, у Басовых были иные, кроме «хлеба с маслом» стимулы для того, чтобы «багроветь от натуги» и «лезть в огонь», но то, что им приходится притворяться, как и Касацким, очевидно из приведенного выше эпизода – разговора о капитане Кутасове. Топос «потаенной личности» оказался той правдой, которая определяет гуманистическую содержательность советской литературы 30-х годов.

Приведенные выше примеры, суждения и доводы дают основания для теоретических выводов о методологии восприятия литературы. Необходимо ответить на вопрос: замысел или воплощение должны быть основой рецептивного постижения словесного искусства? Если основой является замысел, значит главное в «Танкере

«Дербенте»» – все «сработанное» Ю. Крымовым по схемам. Но если суть в воплощении, в реальном тексте, то замечательность романа в том, что Басову жалко старика-капитана, а Касацкий признается в вынужденном своем двуличии. Знаменателен в этом ряду и образ великана-механика Мустафы Гусейна. Этот человек не верит никому из руководителей. Басов помогает Мустафе обрести веру в силу бытия. Но впервых, за спиной энтузиаста-парторга вечно не проживешь, в жизни Гусейна еще не раз будут встречаться бездушные чиновники, а во-вторых, сам Басов, как мы видим, в глубине души вовсе не ура-оптимистичен... Эпизоды романа, «выпадающие» из «технологического» сюжета, представляют собою интертекстную, объединяющую произведение Ю. Крымова со всеми теми созданиями 30-х годов, в которых предстает персонаж «потаенно человеческий» (диалогия И. Ильфа и Е. Петрова, творения А. Платонова, М. Булгакова, М. Шолохова, В. Набокова и др.).

Таким образом, мы склоняемся к мысли, что только текст и единственно текст может быть материалом для выводов о нравственно-философском содержании творения литературы. Герменевтическая актуализация художественной детали позволяет реципиенту подняться над конкретно-историческими реалиями сюжета и различить в произведении проявления топоса и архетипа.

Если современники могут судить о гуманистической эволюции отдельного литератора, они не в силах делать выводы о проявлении топоса в развивающейся на их глазах литературе. Характеры Басова, Лужина, Маргариты, Бендера такие разные и, на первый взгляд, несопоставимые) воспринимаются сегодня как голоса общего нравственно-философского поиска литературы, принадлежащей к единой эпохе. Их общность между собой заметна, прежде всего, в том, что создатели этих персонажей в диалектике вечного и конкретно-исторического отдают приоритет вечному. Сознательно это делает каждый из писателей или интуитивно, в данном случае не существенно: текст отвечает сам за себя.

Топос «потаенной личности» выступает в 30-е годы не только как развитие духовной литературной традиции, он отражает человеческую натуру вообще. Человек противоречив и пребудет таковым во веки веков. Революция создала иллюзию изменения этой аксиомы. (Недаром мистические странники в романе «Мастер и Маргарита» появившись в Москве конца 20-х – начала 30-х годов, интересуются: изменились ли люди духовно?) Оказалось, что все осталось по-прежнему: в отдельной душе сила соседствует со слабостью, милосердие с ожесточенностью. Вспомним фразу из эпизода о Басове: «Жалко все-таки старика, – добавил он брезгливо», «Жалко» и «Брезгливо» – стоят рядом. Именно в Москве, с ее Берлиозами и Майгелями, Воланд и свита находят спасительную Маргариту. Духовные открытия Ф.М. Достоевского («двойничество» отдельной души), так вредные Лужину и вообще «психике современного человека», отражаясь в названных выше творениях литературы 30-х годов, доказывают свою незабываемость. «Отвлеченные темы», от которых Басову «становилось не по себе», оказываются частью души (может быть, – главной) самого Басова: «жалко» – это «отвлеченная тема».

Таким образом, можно утверждать, что литература 30-х годов в своих нравственно-философских поисках металась между удалением от архетипа матери (превращение в «ведьму», уход в шахматные построения, брезгливость по отношению к оступившимся) и приближением к этому архетипу (спасение Фриды, личное решение о расчете с бессмысленной «шахматной» жизнью, проба пожалеть проштрафившегося капитана). Создавая топос «потаенной личности», словесность предвоенного десятилетия противостояла опасным для духовного (а, следовательно, и физического) выживания общества нивелирующим, коллективистским тенденциям во властвующей идеологии. Силу для такого спасительного противостояния она черпала в следовании традиционной для русской литературы личностной духовности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Крымов Ю.** Танкер «Дербент». – Л., 1976.
2. **Мусатов В.В.** История русской литературы XX века (советский период). – М., 2001.
3. **Шагинян М.** Гидроцентраль. – М., 1965.
4. **Крымов Ю.** Танкер «Дербент». – Л., 1976.
5. **Набоков В.** Защита Лужина // В. Набоков. Приглашение на казнь. – Кишинев, 1984.

SUMMARY

The article deals with the problems of moral and philosophical search in the Russian literature, the following literary works: "The Tanker "Derbent" by Y.Krymov, "The Foundation Pit" by A.Platonov, "Luzhin's Defence" by V.Nabokov, "Master and Margaret" by M.Bulgakov and others being the object of examination.